

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-256-274

Дата принятия рукописи в печать: 12.08.2026 г.

ГОРБУНОВ Владимир Евгеньевич,Аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, Юридический факультет,
кафедра Международного права,
e-mail: veg.post@mail.ru**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЗАКОНОВ ВОЙНЫ, ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема низкой результативности обеспечения всеобщей безопасности, законов войны и гуманитарного права методами международно-правового регулирования, а также их взаимосвязь с институтом государственного суверенитета. Предмет исследования – международные и внутригосударственные правовые доктрины, нормативные акты, а также мнения авторитетных учёных. Цель исследования – определить более результативный способ обеспечения соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности. В статье исследуются материалы отечественных и зарубежных авторов. Особый интерес представляет собой литература по международному публичному праву периода Российской Империи и до учреждения ООН, так как позволяет почерпнуть дополнительные сведения о событиях, теориях и сравнить их с действительностью. Методологическую основу составляют следующие общенаучные и специальные методы: дескриптивный, исторический, системного анализа, моделирования, научной индукции.

Ключевые слова: государственный суверенитет, гуманитарное право, законы войны, всеобщая безопасность, вечный мир, военнопленные, оккупация, уголовная ответственность, международная ответственность, ответственность государств за международно-противоправные деяния.

GORBUNOV Vladimir Evgenievich,Graduate student of the Herzen Russian State Pedagogical
University, Faculty of Law, Department of International Law**STATE SOVEREIGNTY AS A BASIS FOR COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL
LAWS OF WAR, HUMANITARIAN LAW AND UNIVERSAL SECURITY**

Annotation. This article examines the low effectiveness of ensuring universal security, the laws of war, and humanitarian law through international legal regulation, as well as their relationship with the institution of state sovereignty. The subject of the study is international and domestic legal doctrines, regulations, and the opinions of authoritative scholars. The purpose of the study is to identify a more effective way to ensure compliance with the international laws of war, humanitarian law, and universal security. The article examines the materials of domestic and foreign authors. Of particular interest is the literature on public international law from the period of the Russian Empire and before the establishment of the UN, as it allows for additional information on events and theories and their comparison with reality. The methodological basis consists of the following general scientific and specialized methods: descriptive, historical, systems analysis, modeling, and scientific induction.

Key words: state sovereignty, humanitarian law, laws of war, universal security, perpetual peace, prisoners of war, occupation, criminal liability, international responsibility, responsibility of States for internationally wrongful acts.

Решение вопроса войны и мира методами правового регулирования является предметом интереса и обещаний политиков, юристов и философов с одной стороны и предметом искренних надежд самой широкой общественности уже не одну сотню лет. Благодаря изначально высокому авторитету таких Первоначальных Членов ООН как СССР, США и Соединённое Королевство

после 1945 года на многие десятилетия в отечественной науке права утвердилась точка зрения если не о практическом разрешении указанного вопроса, то в силу принятия принципов Уставов ООН и ЮНЕСКО о нахождении правильного метода его разрешения.

Однако, действительность опровергает правильность данной точки зрения. Вскоре после

2-й Мировой войны было подсчитано, что за 3 600 прошедших лет (примерно со времён законов Хаммурапи) на Земле было только 292 мирных года, что составляет около 8% всего этого исторического периода [32, С. 208]. В 1989 году сообщалось, что с 1945 года в мире произошло 120 вооружённых конфликтов в которых погибло 20 мл. человек, и только в 80-х годах на Земле велось 22 войны, 85% их жертв – гражданское население [24, С. 221]. В 2009 году на 64й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Муаммар Каддафи констатировал, что со времени образования ООН и не смотря на принятие «новых принципов» международного права произошло более 60 войн и ООН было бессильно предотвратить их. Трагические судьбы Каддафи его страны только подтвердили правоту данного утверждения, превратив их в аксиому. Войны с 1945 года шли в мире практически каждый день. К текущему моменту соотношение мира и войны на Земле, к сожалению, ухудшилось, война только разрастается. Надо признать, что пока речь идёт о войнах не мирового масштаба и население ряда стран (особенно Германии, Италии, Японии, Франции, Англии, США) смогло весьма благополучно пережить прошедшие с 1945 года восемьдесят лет. Однако, легче ли от этого десяткам миллионов погибших в «немирных» войнах по всему Миру и жителям разрушенных государств и государств с подорванной социальной и экономической сферой? Тем более, что количество жертв 1-й и 2-й Мировой войн сопоставимо с количеством погибших в «мирное» время, наступившие после 1945 года. В любом случае факт очевиден, одним удалось обеспечить свою мирную жизнь лучше, чем другим. Важно понять, кому, как и что делать? Настоящее исследование также относит к своему предмету оценку результативности норм международного гуманитарного права, обеспечивающих всеобщую безопасность, законы войны и гуманитарного права.

Идея достижения всеобщего мира посредством права и учреждения глобальной организации всегда была популярна и оптимистично воспринималась и во время создания Священного Союза в 1815 году, и Лиги Наций в 1919 году, и ООН в 1945 году. Однако, через сорок с небольшим лет после учреждения ООН и утверждения его подходов к ведению международных и внутренних дел, через шестнадцать лет после принятия Хельсинского протокола пережил без какого-либо внешнего военного воздействия катастрофу СССР – результат прямо противоположный заявленным целям. Количество крупных военных конфликтов на территории СССР (при явных признаках их провоцирования и недружественного вмешательства других членов ООН) превысило восемь, а бессчётное количество погибших не позволяет снять этот вопрос без подробного ис-

следования и окончательного решения, что, в любом случае, ставит в первую очередь вопрос о качестве как соответствующей международной, так и внутригосударственной правовой системы.

Другой иллюстрацией низкой результативности международно-правового регулирования, в том числе не затронутого им «спящего» общественного мнения являются: Иск Никарагуа к США в Международном суде ООН, который ещё в 1986 году закончился формальной победой маленькой страны, но уже несколько десятков лет игнорируется «мировым лидером» без видимых последствий для него и его руководства, но при явном извлечении своей выгоды. В рамках этого дела ООН определил недопустимость военного и иного (ныне имеющего определение «цветные революции») вмешательства [27, С. 271, 272]; претензия Ирана к США закончилась признанием законности требований, но отказом в выплате компенсации; иск Югославии к странам НАТО (США, Соединенное королевство, Испания, Бельгия, Канада, Франция, Италия, Германия) после многолетнего рассмотрения закончился решением о том, что иск вне компетенции Суда ООН при состоявшейся экзистенциальной катастрофе одного государства и полученной выгоды ответчиками; дело по запросу Генассамблеи ООН о деятельности Израиля на границе с Палестинской автономией было решено в пользу Палестины и одобрено ГА ООН, но осталось проигнорированным Израилем; иск ЮАР к Израилю о геноциде палестинского народа повлёк обвинения ЮАР в пособничестве террористам и не привёл к практическим результатам.

Чётко отражает действительность сформировавшийся высокий уровень безнаказанности традиционных государств-лидеров в деле защиты мира, которые уже давно перестали стесняться официально признаваться в своём отношении к происходящему кровопролитию, вмешательству в дела других стран и провоцированию конфликтов. Наверное, лучшим примером этого является выступление государственного секретаря США М.К. Олбрайт, которая в 1996 году (через десять лет после решения суда ООН по Никарагуа) выступая в телепрограмме CBS «60 минут» перед ведущей запись телекамерой уверено заявила, что политика США, приведшая к гибели полумиллиона иракских детей, «стоила того» [33].

Примером норм международного права, которые на официальном межгосударственном уровне направлены на пересмотр причин и результатов 2-й Мировой войны и фактически являются актом интервенции против России является решение в 2009 году ПАСЕ – одного из ключевых органов Совета Европы (в том числе избирающее судей ЕСПЧ) и имевшего в тот момент в своём составе Россию как полноправного члена.

Несмотря на то, что статьёй 53 Устава ООН установлен термин «вражеское государство», а Устав ЮНЕСКО фиксирует постулат о том, что основной причиной возникновения 2-й Мировой войны была именно доктрина «неравенства людей и рас, которая насаждалась на основе невежества и предрассудков», в нарушение преамбул Устава ООН и Устава ЮНЕСКО ПАСЕ была принята резолюция «О воссоединении разделённой Европы», перенесшая ответственность за развязывание 2-й Мировой войны на СССР [35]. Многократные инициативы России о принятии ГА ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма в большинстве случаев не находят поддержки у североатлантических стран (ни тех, кто был на стороне Третьего рейха, ни у стран Антигитлеровской коалиции) [34]. Однако, с данного момента представители североатлантических стран официально могут выстраивать отношения в отношении России только с позиции данной резолюции. Очевиден фундаментальный нормативный отход от юридических принципов ООН, которые воспринимались как залог обеспечения всеобщей безопасности.

Произошедшее полностью продолжает практику, начатую в 1959 году Федеральным законом США «О поработанных народах» PL 86-90, в котором был закреплён постулат о том, что русский народ является народом поработителем (не государство СССР, не его руководители, а народ) [13]. Данный не единственный закон изначально противоречил основным принципам международного публичного права и Уставу ООН, в том числе запрету на вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, создание угрозы для международной безопасности и справедливости, политической независимости, и не терял своей силы даже в моменты максимального соответствия политики России ожиданиям США.

Общепризнанна практика назначения в послевоенном ФРГ на руководящие посты вчерашних руководителей НСДАП, СС и вермахта (лучшим примером может служить Г-Д Геншер, принявший в октябре 1991 года в рамках Московского заседания СБСЕ по человеческому измерению у М.С. Горбачёва и Э.А. Шеварнадзе официальное признание государственной независимости прибалтийских республик); а в отношении военных преступников, совершивших преступления против СССР и его народов, – их укрывательство официальными союзниками СССР: США, Канадой, Англией, в том числе их поддержка вплоть до высшего политического уровня данных стран (что показал случай с чествованием в 2023 году премьер-министром и парламентом Канады ветерана дивизии СС «Галичина» Я. Хунки).

Ещё более показателен современный под-

ход к пониманию международного права, продемонстрированный созданным в 1873 году при участии России (как и ООН) «эталонным» в вопросах международного права Институтом международного права. Три вынесенных данной международной организацией резолюции: «Декларация о вызовах международному правопорядку после военной операции в Венесуэле» от 18.01.2026 года, «Декларация о военной операции против Ирана» от 31.03.2026 года, а также «Декларация по вопросам агрессии в Украине» от 01.03.2022 года доказывают возможность отсутствия таких базовых признаков права как нормативность, равенство и беспристрастность в исторически призванном обеспечивать мир международном праве [17].

«Декларация о вызовах международному правопорядку после военной операции в Венесуэле» от 18.01.2026 года вынесена в условиях, когда в рамках своей военной операции США при публичном одобрении высшего руководства по традиционному надуманному (после вторжения в Ирак, Сирию и Афганистан) поводу военным путём вторглось в другое государство, похитило, арестовало и судит у себя по своему законодательству его руководителя, а также извлекает прибыль и принудительно распоряжается ресурсами данного государства; «Декларация о военной операции против Ирана от 31.03.2026 года» – США и Израиль при публичном одобрении своего высшего руководства уничтожили подряд несколько уровней высшего руководства Ирана и значимую часть его промышленной, гражданской и военной инфраструктуры, а также попытались поставить под свой контроль функционирование данного государства, угрожая уничтожить всё живое на его территории; «Декларация по вопросам агрессии в Украине от 01.03.2022 года» – полное игнорирование истории произошедшего.

В то время как в первых двух случаях юристы Института смогли найти формулировки, практически уравнивающие в ответственности за произошедшее агрессора и пострадавшую сторону и фактически ограниচিতся этим, то для России было сделано исключение не только в подборе самой жёсткой квалификации происходящего и допустимости привлечения к ответственности его руководства, но даже на уровне названий указанных деклараций. Это особенно важно с учётом существования принятой ГА ООН 26.11.2001 года Резолюции A/56/589 об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Нельзя сомневаться в том, что Институт и его юристы обязаны были учитывать последствия своих действий, в том числе того на сколько они будут препятствовать установлению мира, а также подрывать доверие и силу международного права. Всё это при том, что девиз института

«Justitia et pax» переводится как «Справедливость и мир».

Несмотря на явную предвзятость произошедшее отражает наличие крайне высоких рисков для России как в лице её высшего руководства, так и её народов, так как оценивать надо данную позицию не в абстрактном теоретическом аспекте и не в свете привлечения к ответственности в предусмотренном ООН порядке, а в свете существующей параллельно ему парадигмы об универсальной юрисдикции, позволяющей отдельным государствам преследовать в уголовном порядке лиц, обвиняемых в преступлениях против мира и нарушении прав человека, Чикагской доктрины постконфликтной юстиции [1, С. 831]. Уголовное принуждение в данном порядке осуществляется не смотря на формально уважаемый всеми принцип государственного суверенитета и осуществляется на основании своего толкования истории, подборки необходимых юридических фактов и фактически без сроков давности.

Сейчас можно только предполагать в какой степени используется данная политико-правовая доктрина в суде США над действующим президентом Мадуро, но можно быть уверенным однозначно, что в основе его преследования лежит идея о суверенном государстве, которая даёт право США привлекать к ответственности к лиц, причиняющих её вред. Очевидно, что наибольшие риски несут те люди, которые уже находятся в санкционных списках указанных стран, так как уже юридически зафиксирован и признан факт их «противоправной» с точки зрения соответствующих государств деятельности, который просто так не исчезнет с окончанием конфликта. Оспаривать же соответствующее решение в юрисдикции принявшего его государства – это подчинить себя и своё государство суверенитету другого, смириться с последствиями «проигрыша процесса» и фактически только надеяться на пощаду. Кроме того, всегда найдётся другое государство, которое будет готово выдвинуть «повторно» обвинения.

Нельзя сказать, что вышеуказанная доктрина является новым словом в юриспруденции. Закон об уголовном праве Израиля 1977 года в статье 13 «Преступления, совершённые против Израиля или еврейского народа» прямо провозглашает право данного государства преследовать деяния вне его пределов в случае, если они направлены против безопасности государства Израиль, его международных отношений или тайн; государственных устоев Израиля; исправной деятельности израильских государственных органов власти; имущества или экономики Израиля, его транспортных и коммуникационных связей, имущества и исправной деятельности его объединений и организаций (в особенности пря-

мо указанных Всемирного Еврейского Конгресса, Еврейского Агентства для Израиля, Еврейского Национального Фонда, Фонда Еврейского Агентства); жизни, тела, здоровья, свободы, имущества еврея, гражданина Израиля, жителя Израиля, израильского служащего общественной организации, израильского учреждения если преступление было совершено потому что они являются таковыми [9, С. 26, 31, 33, 129].

Израиль не разделяет свою безопасность и международные отношения как разные процессы, сферы интересов и регулирования. Та часть израильского Уголовного закона, которая в отечественном уголовном праве называлась бы как «Особенная часть», начинается с раздела, называющегося «Безопасность государства, международные отношения и официальные тайны». В качестве принципиальных моментов следует отметить сразу введённые определения: «враг» и «террористическая организация» – для того, чтобы попасть под любое из данных определений достаточно не только осуществлять практические действия или находиться в официальном состоянии войны, а просто объявить себя врагом или стремящимся свергнуть израильское государство, «причинить вред его безопасности, его жителей или евреев в других государствах». Следует отметить, что израильское уголовное право формировалось на основании подходов и принципов английской правовой системы.

В свою очередь, как сообщило 14.07.2026 года ТАСС: 11-й суд Стамбула по тяжким уголовным делам выдал ордер на арест премьер-министра Нетаньяху и 34 высокопоставленных госслужащих Израиля, обвинив их в преступлениях против человечности, геноциде, лишении свободы, жестоком обращении, умышленном причинении вреда здоровью, грабеже, задержании транспортных средств [38]. У Турции нет сомнений в своём праве принимать такое решение.

Статья 12 УК РФ в гораздо более общей и мягкой форме использует доктрину государственного суверенитета, распространяя действие уголовного закона на иностранных граждан, совершивших деяние вне пределов Российской Федерации, если оно направлено против интересов России. Следует отметить, что ранее отечественная правовая система имела статью 73 УК РСФСР 1960 года, которая предусматривала наказание за совершение особо опасного преступления против союзного государства (была отменена перед насильственной сменой государственного режима в ГДР и Югославии).

Вышеизложенное позволяет принять за аксиому утверждение о том, что принципы ООН и ЮНЕСКО являются только очередной юридической версией предлагаемой обществом нормы поведения государств, а не состоявшимся фак-

том; как минимум вторая за двадцатый век попытка человечества обеспечить мир и всеобщую безопасность посредством разработки правовых доктрин международного права на базе сообщества государств не создала цельную правовую систему международного права, которая бы надлежащим образом и единообразно применялась участниками международного общения, а также сохраняла бы доверие широкого общественного мнения. В результате государства по отдельности обеспечивают свои зачастую несовпадающие интересы, в лучшем случае демонстрируя признание норм международного права, что во многом обусловлено неустраняемыми различиями их правовых систем, институтов исторической памяти и культур, которые по-разному воспринимают силу норм международного права.

Например, если отечественная школа права традиционно высоко воспринимает их силу, то как сообщает нам признанный в мире специалист в сфере сравнительного правоведения профессор Парижского университета Рене Давид: английское право мало ценит абстрактные правовые декларации, выдвигающие принципы справедливости, но не заботящиеся об их практическом осуществлении [10, С. 299]. Философ и теоретик права, профессор права Оксфордского университета, основатель аналитической философии права, адвокат и работник контрразведки MI5 Герберт Лайонел Адольф Харт подтверждает вышеуказанную оценку своей родной правовой системы, прямо указывая, что как бы ни важны были принципы ООН, но они существуют лишь на бумаге, а функционирование международного права очень отлично от внутригосударственного [45, С. 217, 219]. Данное различие предопределяет постоянную необходимость учитывать разную регулируемую силу одних и тех же норм международного права у взаимодействующих государств и искать юридические методы обеспечивать желаемого состояния мира.

В любом случае, можно считать доказанным, что североатлантический «Drang nach Osten» не прекращался и продолжается [4, С. 6]. Только после 2-й мировой войны и создания ядерного оружия – юридическими, в том числе философскими, доктринальными методами.

Таким образом, учитывая вышеизложенное и принимая во внимание связанные с деятельностью североатлантических стран риски, которые были признаны «Концепцией внешней политики Российской Федерации», утверждённой Указом Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 года [6, С. 212], целесообразно оценить с точки зрения риск-менеджмента старейший раздел международного права, с которого во многом и началось само международное право и который изначально призван регулировать осно-

вы сохранения существования и выживания как человечества в целом, так и каждого по отдельности – международные законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности.

В первую очередь необходимо отметить, что само название и, соответственно, предмет данного раздела международного права постоянно трансформируется. Если изначально он формировался как «Право войны, военные обычаи» (например, в работах Гефтера, Каченовского, Ривье, Мартенса, Листа), и до 60-х годов 20-го века данный раздел преимущественно именовался как «Международное право и война», «Законы и обычаи войны», «Международноправовые средства борьбы с вооруженной агрессией», «Международные договоры и обычаи о правилах ведения войны» (Кожевников Ф.И., Мовчан А.П., Лисовский В.И.); то концу двадцатого века он уже преимущественно именовался как «Право международной безопасности», «Международное гуманитарное право» (Лукашук И.И., Бекашев К.А.), а в начале двадцать первого века – «Право вооружённых конфликтов» и «Международное гуманитарное право» (Егоров С.А., Тузмухамедов Б.Р.). Отечественная дипломатическая школа оказалась более устойчивой к изменениям, «Дипломатический словарь» под редакцией Громыко А.А. – «Законы и обычаи войны» [11, С. 215, 221, 374].

Наименование любого института права основано на предмете его регулирования, функциональном содержании и направленности. Но существует взаимосвязь – изменение названия содействует изменению содержания, что создаёт риски для прекращения правового регулирования реально существующих в природе межгосударственных правоотношений, нуждающихся в установлении нормы поведения. Изложенное не позволяет согласиться с наметившимся процессом «сглаживания» названия данного раздела международного публичного права, что делает целесообразным на базе необходимого содержания и с учётом вышеуказанной терминологии, в целях настоящей работы сформулировать следующее определение для него: «Международные законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности» (не хочется давать войне право).

Выполнение поставленной в интересах настоящей работы вышеуказанной задачи осложняется тем, что отечественная школа права уже давно фактически прекратила изучение природы войны и связанных с ней явлений и последствий, «забыв» про уроки истории и риск-ориентированный подход к правовому регулированию международных отношений буквально приняв и преимущественно поверив в прекращение «старого международного права» и начало «нового международного права», основанного на принципах ООН [40, С. 101, 108], а также «подлинно научном

объяснении происхождении войны», которое указывает «человечеству верный путь избавления от войн» [22, С. 602].

Такой подход не был характерен для отечественной школы права, которая в свой имперский период, в советский довоенный, в первые двадцать лет ооновского периода старалась учитывать историю и реальность, а также общественное мнение, мнение североатлантических стран о природе войны и была далека от восприятия международных отношений как лишённых существенных рисков и упрощённого восприятия войны.

Ещё Курс международного права в шести томах, издаваемый Институтом Государства и права Академии наук СССР в 1969 году, соглашался с тем, что война «есть продолжение политики другими (именно насильственными) средствами» [23, С. 208]. Причём подчёркивалось, что политическая компонента присутствует и в объявлении войны, и в процессе её ведения. Курс международного права в семи томах 1992 года, который можно считать пиком советского периода развития отечественной школы международного права, сузил определение войны и вооружённого конфликта до вооружённого столкновения субъектов международного права, а соответствующий раздел международного права, до регулирования процесса этой борьбы, что, не может быть приемлемо с учётом текущих реалий [24, С. 241, 242]. Изданное ещё в 1917 году в переводе В.Э. Грабаря шестое издание Ф. Листа даёт более развёрнутое понятие войны и её видов, а также содержит утраченный ныне термин «интервенция», который охватывает более широкий перечень опасных для мира ситуаций по сравнению с современным термином «агрессия», утверждённым Резолюцией ГА ООН от 14.12.1974 года [25, С. 84, 385, 386]. Почему данная информация более соответствует действительности, чем большая часть напечатанных за последнее шестьдесят лет трудов по правоведению?

Ф.Ф. Мартенс самостоятельно и не ссылаясь на признанных авторитетов определял войну как «политическое орудие», средство «международного управления» и «борьба для охранения принадлежащих им прав и интересов» [29, С. 326, 327].

Энциклопедия государства и права 1929 года, под редакцией наркома юстиции РСФСР, заместителя наркома иностранных дел, первого председателя Верховного суда РСФСР, одного из основоположников системы советского правосудия и создателя, директора Института советского права Петереса Яновича Стучки приводит такой большой объём информации о множественности точек зрения на онтологическую природу войны, который в наше время трудно встретить в какой-

либо современной отечественной учебно-просветительской литературе. Стоит отметить следующие положения, которые считалось необходимым популяризировать: право войны является частью международного права; война выходит за пределы права и не может быть определена ни как правомерная, ни как неправомерная; в современном праве отсутствуют нормы, которые позволяют решить какая сторона «права», а какая «неправа»; деление войн на «справедливые» и «несправедливые» является уделом прессы по обработке народных масс, что делает неприемлемыми позиции ни об оправдании войны, если она ведёт к увеличению мощи своей страны, ни «лицемерно пацифистские» точки зрения; трансформация представлений о военной добыче и сохранении интересов частных лиц; вооружённом мире [47, С. 338, 370, 694].

Отечественная дипломатическая школа более традиционно и развёрнуто воспринимала природу войны и её законы, что в любом случае ставит вопрос о согласованности двух данных институтов отечественной школы принятия государственных решений и руководства [11, С. 215, 374].

Оценивая позицию иностранных правоведов и дипломатов необходимо отметить точку зрения востребованного и успешно функционировавшего как во времена Третьего рейха, так и после его разгрома немецкого правоведа, философа, социолога и политического теоретика Карла Шмитта, которая развивает и усиливает широко известное определение Клаузевицем войны и политики как «ведение войны другими средствами». Шмитт трактует цель войны и политики – навязать другому свою волю. Цель одна, а средства разные. Война использует насилие, а политика другие методы [14, С. 167]. В первую очередь правовые.

В середине двадцатого века Б. Рассел поддерживал позицию Гегеля по вопросу международного права и взаимодействия государств, указывая, что интерес каждого государства есть его собственный наивысший закон. «Не существует контраста морали и политики, потому что государства не подчинены обыкновенным моральным законам», а «Священный союз и кантовская Лига мира ошибочны потому, что содружеству государств необходим враг» [36, С. 256]. В наше время госсекретарь США, доктор Дипломатической академии МИД России, руководитель Council on Foreign Relations (CFR), издающего Foreign Affairs, Г.А. Киссинджер в своей «Дипломатии» подтвердил, что закон народов и закон природы суть то же самое, а восприятие угроз у каждой нации своё и они не желают идти на одинаковый риск в преодолении тех угроз, которые принципиально признают, что во многом обесценило ООН и Лигу Наций.

Справедливости ради необходимо отметить, что наметилась тенденция к возвращению изначальных подходов в изучении природы войны. Философ, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Высшей политической школы имени Ивана Ильина при РГГУ Александр Гельевич Дугин обращает наше внимание на то, что уже Гоббс трактует войну расширительно. Он понимал под ней не только прямые столкновения регулярных армий, но всё, что их предваряет и им сопутствует. Гоббс пишет: «война состоит не только в битвах и реальных боях, но во временном промежутке, когда воля столкновения в битве достаточно представлена» [14, С. 167].

В целях настоящего исследования необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что крупнейший отечественный исследователь вопроса всеобщей безопасности, законов войны и гуманитарного права, доктор международного права, член Совета МИД и Государственного совета Российской Империи, сенатор, представитель России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге, профессор Санкт-Петербургского и Мюнстерского университетов Михаил Александрович Таубе, исследуя проблему «Вечного мира», в том числе ведя переписку по данному вопросу с Л.Н. Толстым, указывал, что данная идея была известна европейской философской и юридической науке как минимум с 1023 года, когда монастырём Ключни был инициирован съезд главы Священной Римской Империи Генриха II и французского короля Роберта на котором договорились при одобрении папы Бенедикта VIII провести общехристианский Собор в Павии в целях образования мировой мирной лиги. Следующее всеевропейское «Божье перемирие» было провозглашено папой Урбаном II на Клермонтском соборе в целях начала 1-го Крестового похода. Последующие столетия были отмечены многочисленными схожими идеями, основанными на необходимости объединении государств ради мира (и часто против кого-то, кто не вписывался в картину будущего мира), высказанные непрерываемыми авторитетами своего времени: Фома Аквинский, Георгий Подебрад, Кампанелла, Сьюлли и Генрих IV, кардинал Альберони, Руссо, Бентам, Наполеон, Блюнчли. Отдельно в этом ряду надо выделить кантовское «К вечному миру» с очередной идеей объединения государств [39, С. 59, 73-78, 81]. Однако ключевым отличием всех этих идей всегда было только одно – вопрос под руководством какого государства должно было произойти это объединение ради мира.

На протяжении всего двадцатого века идея отмены «устаревшего» института государственного суверенитета и возникновения «мирового», «транснационального», «универсального»,

«глобального» «права», продвигалась Расселом, Кельзеном, Киссинджером, Фридманом, Кларком, Танакой, Соросом [37, С. 390, 396]. Традиционно для английской школы социальных наук Харт не только критиковал сохранение идеи суверенитета и необходимости существования в каждой национальной правовой системе суверенного законодателя, но ставил под сомнение функциональную значимость международного права (формы которого еще подлежат изучению и выяснению «являются ли они или нет просто пустыми формами») [45, С. 223]. Доктор юридических и экономических наук Фридрих Август фон Хайек отвергает идею суверенитета ради обеспечения властвования меньшинства над большинством (в чём основную функцию отводит законодательной деятельности) [43, С. 357]. Ранее, авторитетнейший немецкий правовед Еллинек в рамках своего труда «Право меньшинства» обосновывал ту же идею в целях обеспечения права государственно-го управления немецкого меньшинства над противопоставляемым ему славянским большинством, причём, по его мнению, принадлежность любого немца к которому «по справедливости» достойна «общего презрения» [15, С. 21, 41, 44]. При таком настрое научного сообщества и общественного мнения сложно допустить мысль о том, что международное право будет на практике в равной степени обеспечивать интересы всех народов. Особенно с учётом утверждения профессора Гарвардского университета Менли О. Хадсона о том, что «Современное международное право – это право западного мира.» (вряд ли он подразумевал правовую систему Германии, Франции и Италии. И точно – не СССР) [42, С. 226].

Истинное отношение к России и страданиям её народов, наверное, лучше всего иллюстрирует история выступления Д.А. Гранина 27.01.2014 года в Рейхстаге с рассказом о Блокаде Ленинграда. История показала, что искренне сопереживающие рассказу о противостоянии под Ленинградом руководители Германии в это же время участвовали в обеспечении Евромайдана на Украине, усугубляли ухудшение отношений Украины и России, содействовали срыву договорённостей по урегулированию разгорающегося конфликта и развязыванию гражданской войны между ними, а в последующее время приложили значительные усилия к «нанесению России стратегического поражения». В данной связи становится крайне актуальным исследование природы института исторической памяти и обеспечение правовыми методами его долгосрочного функционирования, в том числе в целях применения информации о рисках, задачах и целях международных отношений [8, С. 166-167].

Таубе обращает внимание отечественной школы права и государственного управления, что

идея Вечного мира и безопасности, которая сейчас более всего представлена в международном гуманитарном праве, последнюю тысячу лет была взаимосвязана с институтом государственного суверенитета и всегда в качестве одной из своих основных целей имела отмену данного института в пользу одной конкретной единой высшей политической и военной силы.

Кроме того, Таубе предсказал все три способа обеспечения правовыми методами вечного мира, которые в течение всего столетия мировое сообщество пыталось реализовать, а именно: через субъективный отказ людей от всяких военных действий; через добровольное договорное учреждение Союза народов или государств с обязательными судебным разрешением споров международными трибуналом; через поглощение всех народов и государств в одном единственном мировом государстве, которое делает невозможной международную войну. В конце концов Таубе после всех своих испытаний и исследований отверг возможность достижения «полного и постоянного мира» через международное право, международные институты типа Лиги Наций и возложил основные надежды на достижение мира через религию (с учётом «психики международной жизни»), а также указал на риск перехода от войны государств к войне рас (что тоже сбылось) [39, С. 58, 102, 109]. Если его надежда означает необходимость руководствоваться старой русской мудростью «На Бога надейся, а сам не плошай» и сохранение государственного суверенитета для её реализации, то с учётом современных международных отношений и международного права она могла бы стать основой для новой доктрины безопасности, международных отношений и толкования норм международного права.

Вышеуказанные сомнения нашли своё независимое подтверждение в работе Л. Иванова «Лига Наций», которая вышла в 1929 году под редакцией Е. Пашуканиса и Б. Виноградова, и практически полностью соответствуют современной проблематике международных отношений [16, С. 10, 20].

Существенно позже, Тункин Г.И. в своей фундаментальной работе «Теория международного права» пытался опровергнуть концепцию о необходимости устранения института государственного суверенитета как первоисточника войн в пользу «мирового правительства» [41, С. 324]. В 1986 году Дипломатический словарь, изданный под редакцией министра иностранных дел СССР А.А. Громыко также уделил значительное внимание «концепции отмирания государственного суверенитета» [12, С. 437]. Лукашук И.И. рассматривал эту же концепцию, но в аспекте «мирового права» и указывал на необходимость разграничения юрисдикций различных правовых систем

в целях исключения вторжения во внутреннюю компетенцию государства [26, С. 92]. Авторитет авторов и изданий слишком высок, чтобы считать данную совпадающую точку зрения надуманной или «незначительным риском».

К сожалению, современная отечественная школа права не только не выработала свою концепцию выстраивания взаимоотношений с правовыми системами, которые традиционно настроены на отмену института государственного суверенитета, но и преимущественно утратила саму проблематику, которой занимались её лучшие представители предыдущих поколений. В значительной мере этому способствует отсутствие устоявшейся единой точки зрения на институт государственного суверенитета как в международном, так и внутригосударственном праве [7, С. 262].

Например, если Всесоюзный институт Юридических наук МЮ ССР в лице А.Я. Вышинского на этапе учреждения и становления ООН определял суверенитет как «состояние независимости государственной власти от всякой другой власти как внутри, так и вне границ этого государства» [3, С. 405], то уже в середине шестидесятых годов официальная отечественная школа международного публичного права провозгласила, что Вышинский «нанёс серьёзный ущерб советской международноправовой науке, дав извращённое толкование принципа суверенитета как состояния независимости государственной власти от всякой другой власти. ... что послужило на Западе поводом для обвинения советских учёных в их якобы приверженности к феодальной доктрине суверенитета, которая признавала абсолютный и ничем не ограниченный суверенитет государства» [22, С. 161].

В итоге, системный анализ современных отечественных научно-методических материалов по международному праву показывает, что развивается серьёзная тенденция к фактическому ограничению государственного суверенитета в результате процессов трансформации и амнезии о его действительной природе и содержании, а дискуссия о нужности суверенитета не считается закрытой. Более того, один из наиболее авторитетных современных отечественных правоведов был полностью уверен в сохранении института государственного суверенитета только в горизонте тридцати лет [30, С. 21].

Вышеизложенное позволяет сформировать рабочую гипотезу о том, что что раздел международного права, регулирующий законы войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, в первую очередь стал инструментом североатлантических правовых систем нацеленным на фактическое упразднение государственного суверенитета как института, обеспечивающего

сохранение, безопасность и благополучие других участников международного общения, а также снижение военных рисков данных государств на случай их интервенции против других государств. Как сказал награждённый Железным крестом за участие в войне против СССР, коллега Поппера и Харта по Лондонской школе экономики, философ и методолог науки, профессор философии Калифорнийского университета Пол Фейерабенд: «Каким бы «фундаментальным» или «необходимым» правило не было для науки, всегда существуют обстоятельства, когда целесообразно не только игнорировать это правило, но и принять его противоположность».

Следствием указанного утверждения должна стать пригодность международного гуманитарного права к официальному измерению в не меньшей степени, чем существующее в международном праве «человеческое измерение» норм, защищающих права человека. Очевидно, что бессмысленно надеяться на счастливое улучшение того, что на протяжении десятилетий и от одной войны к другой не приносит желаемого результата. По крайней мере, менеджмент как наука об управлении и принятии решений требует оценки результатов исполнения принятых решений и внесения в них корректировки в случае недостижения цели.

Важнейшим критерием оценки результативности международно-правового обеспечения является степень гуманного отношения к русским военнопленным и оккупированному населению, а также реальное возмещение народам России причинённого в результате интервенции вреда (что в конечном итоге должно быть главной целью всех отечественных профильных политических и юридических усилий, а также одним из главных элементов всеобщего мира и благополучия народов).

Во время Великой Отечественной Войны на территории России было уничтожено 1 700 городов (среди которых и города-миллионники), более 70 000 деревень, тысячи километров транспортных коммуникаций, разрушены миллионы жилых домов, 32 000 заводов и фабрик, разорено около 100 000 колхозов и 3 000 МТС; существенно сокращено поголовье скота и площадь посевных земель. В целом материальный ущерб СССР составил 2 569 млрд. рублей, СССР потерял около 30% своего национального богатства. Потеря 27 000 000 жизней своих граждан и обусловленные этим демографические, социальные проблемы и вред ощущаются до сих пор и также должны быть учтены максимально исчерпывающим образом.

Открытые источники сообщают, что в настоящее время в Германии существует лишь около 2 056 городов, из которых только четыре имеют население более миллиона жителей (Берлин,

Гамбург, Мюнхен, Кёльн). Население Германии в 1939 году без учёта аннексированных территорий составляло 69 316 500 человек, в наше время население Германии составляет около 85 000 000 человек. Количество разрушенных немцами городов-миллионников в СССР было большим чем у них есть в двадцать первом веке; показательно количество городов и людей, которое осталось бы в Германии, если бы они в результате понесли такие же потери, как и СССР.

На Потсдамской конференции сумма общих репараций от Германии для всех стран-победителей обсуждалась только в размере 20 млрд. долларов США [1, С. 53, 268, 270]. Предложения и притязания СССР на компенсацию не были поддержаны Англией и США. СССР получил существенно меньше (причём с учётом того обстоятельства, что к зоне ведения СССР относилась разорённая войной часть Германии, Польши, Венгрии и т.п., которые надо было восстанавливать, что в конечном итоге и стало предметом бремени СССР и его народов). Получение СССР репараций за счёт западной части Германии (ФРГ) было прекращено в 1949 году, а репарации от ГДР в 1954 году.

К зоне ведения США была отнесена существенно менее разорённая часть Германии (ставшей ФРГ), а план Маршала по финансированию послевоенной Германии фактически привёл её к окончательной потере суверенитета и зависимости (принадлежности) от США, при одновременном фактическом освобождении США в лице ФРГ от необходимости существенных послевоенных выплат СССР (В данном случае следует обратить внимание на важное обстоятельство – не смотря на обширные философские, политологические, юридические и иные социальные изыскания немецкая государственная управленческая школа, наверное, является худшей в мире, так как за всю свою историю она смогла обеспечить суверенитет и независимость Германии только на протяжении 52 лет, с 1871 по 1918 и с 1939 по 1945 годы). Взамен Россия стала единственной страной, которая несла основную тяжесть по борьбе союзников с странами Оси и которой США не был прощён долг за поставки по лэнд-лизу (был полностью погашен только в 2006 году). Очевидно, что СССР не получил в итоге должного возмещения не потому, что не понимал выгод получения активов, а потому, что военная сила США и Англии, существенно менее пострадавших во Второй мировой войне и имевших ядерную монополию, не позволила получить должное возмещение за счёт сохранившихся активов на западе Германии.

Несмотря на то, что и СССР, и США восстанавливали соответствующие послевоенные иностранные регионы говорить об одинаковой

природе данных мероприятий нельзя. То, что для США было вопросом установления финансового, корпоративного контроля, извлечения прибыли, а также улучшения своих геополитических притязаний, то для СССР, в первую очередь, было последней попыткой на окончательное обеспечение своей безопасности, установление мирных отношений со своими соседями и, в конечном итоге, подтверждения делом провозглашённых им идеалов ООН.

В результате, несмотря на принятые принципы и цели ООН, в том числе об ответственности за совершённые преступления, на деле по результатам 2-й мировой войны политика США, Англии и международное право не только фактически обеспечили получение ими существенной экономической выгоды, а их жителям более высокий уровень жизни, но и жителям Германии, которые должны были быть бенефициарами от завоеваний и зверств своих родственников в СССР. Следует отметить, что американский социолог и политолог, президент Американской Ассоциации политических наук, главный редактор журнала *Foreign Policy* Самуэль Филлипс Хантингтон напоминает нам, что военная мощь имеет четыре измерения, к которым принадлежит и такие категории как моральный дух войск, влияющий на организационный, и общественная поддержка – желание общества применять военную силу [44, С. 135]. Подчеркнём, ведущий и общепризнанный североатлантический профильный специалист сам утверждает, что ведение войны (в том числе колониальной, захватнической) без предварительного обеспечения и последующей поддержки её всеми значимыми социальными группами данного государства невозможно. Данное обстоятельство не может не поставить вопрос о степени и виде ответственности за причинённые страдания и убытки потерпевшей стороне.

Необходимо отметить, что Россия, как минимум, за последние триста лет в отличие от североатлантических стран никогда не улучшала своего благосостояния в результате выигранной войны и не наносила проигравшему агрессору экономического сокрушающего возмездия. Страна всегда за свой счёт восстанавливала последствия нашествий на неё шведов, поляков, французов, немцев, американцев, итальянцев, испанцев, румын, венгров, болгар, финнов и не получала компенсацию за «упущенную выгоду» в том размере, чтобы обеспечить прежний уровень благосостояния и превзойти его, а также не лишала стран-агрессоров ресурсов, чтобы они могли свою инфраструктуру после окончания проигранной ими войны. Белинский В.Г., оценивая признаки государства отметил необходимость для него не только обеспечить умение «храбро биться и великодушно умирать за свою родину, побеждать

сильного врага с малыми средствами», но и умение пользоваться плодами своих побед [2, С. 238].

Как доказывает история, любой более-менее значимый успех России на поле боя всегда обуславливал немедленную консолидацию всех европейских стран против неё. Примером могут служить причины Крымской войны или пересмотр условий Сан-Стефанского мира в рамках Берлинского конгресса в результате угроз тех же государств. Не менее показательна история признания Англией и Францией права России на получение Константинополя и пролива в Средиземное море по результатам 1-й Мировой войны в условиях, когда остро требовалась её помощь в 1914 – 1915 годах (несмотря на то, что именно это они любой ценой пытались не допустить в 1815, 1854 и 1879 годах) [19, С. 18]. Необходимость исполнения данного соглашения отпала после проведённой Англией, Францией, США в 1918 году вооружённой интервенции в России (на фоне которой оказание запрашиваемого политического убежища царской семье Англией, другими родственными домами действительно было бы непоследовательным решением и могло поставить в неудобное положение короля Георга V). Нельзя не упомянуть активную поддержку теми же государствами стран-лимитрофов и Польши в период между 1-й и 2-й Мировыми войнами.

Следовательно, в соответствии с правилами риск-менеджмента вышеизложенное, в том числе результаты агрессии США, Израиля и союзных государств, даёт все основания считать, что соответствующие нормы международного права скорее предоставляют возможность для недобросовестного сохранения полученного экономического преимущества североатлантическими странами (которые последние сто лет более успешны на ниве юриспруденции, чем на поле боя) и не обеспечивают действительного справедливого возмещения вреда пострадавшим от агрессии государствам, их народам и препятствуют такому возмещению.

Результаты обеспечения международным сообществом гуманного отношения к русским военнопленным и оккупированному населению столь же сомнительны. Надо отметить, что ещё Каченовский Д.И. описывал природу войны и соответствующие обычаи Западной Европы, подчёркивая их рыцарскую корпоративную избирательность и не распространение на людей другой веры, сословий или которых они считали опасными для себя [20, С. 300]. Существенно позже Стучка подтверждал: «Рыцари облегчали себе военное ремесло, космополитическими рыцарскими правами, которые находили свое высшее выражение в боевой морали противоположной дикому истреблению, но рыцарское самоограничение прекращалось вне рамок господствующих клас-

сов. Право войны не признавалось и не соблюдалось европейскими странами в колониальных войнах в отношении туземцев» [47, С. 338]. Данный подход совпадает с теми правилами ведения войны, которые Гефтер описывал как традиционно сложившиеся при ведении европейскими странами, например, во время Американской войны за независимость или войн в Ост-Индии. Являлось нормой разорение неприятельской страны, если это является средством получить контрибуцию, вынудить неприятельские войска оставить позиции, занятые ими для защиты государства, наконец, «нанести неприятелю вред и образумить его, в случае восстания и возмущения» [5, С. 239].

Мартенс Ф.Ф. как современник и как специалист, касающийся профильных аспектов в силу своей профессиональной деятельности, свидетельствует нам о том, что во время Крымской войны и Русско-турецкой войны в 1877 году обращение с русскими пленными и ранеными отличалось «невероятными зверствами», практика Красного креста на них не распространялась, а англичане и французы находили в себе основания не только для военной борьбы, но и для уничтожения культурных ценностей во время их нахождения в Крыму [28, С. 351, 358, 359].

Кроме того, Мартенс предоставляет нам сведения о примерах решений французских, английских, немецких, турецких властей, которые принимались и исполнялись на протяжении практически всех войн 18го – 19го веков в результате чего можно сделать вывод, что практика грабежа, реквизиций у населения, уничтожения мирного населения, его массового насильственного перемещения, использования в качестве заложников, «живого щита» и инструмента борьбы с воюющими регулярными частями и партизанскими отрядами, а также рекрутирование оккупированного населения является обычным для европейских стран.

В целях настоящей работы нельзя не вспомнить об избирательной расправе шведов над русскими пленными после битвы под Фрауштадтом в 1706 году, в то время как к солдатам других стран отношение было подчёркнуто рыцарским. Нельзя не напомнить, что государственный гимн Польши основан на песне, которая прославляет Наполеона, Чарнецкого и Костюшко. Первый начал с того, что велел заколоть 6000 сдавшихся в плен под Яффой в 1799 году (чтобы сберечь патроны) и стал известен систематическим разграблением попавшихся ему населённых пунктов, последние два – своими приказами в отношении мирного населения и военнопленных.

История обращения с русскими военнопленными до настоящего момента полностью повторяет вышеизложенное. Если история и знает иное обращение с нами, то эти случаи должны

быть выявлены и тщательно исследованы для выяснения обеспечивших их причин. Однако, случай маниакального истребления советских военнопленных силами преимущественно австрийского мирного населения за месяц до вступления Красной армии на территорию Австрии в марте 1945 года, которая вошла в историю как «Мюльфиртельская охота на зайцев», является тем фактором, который необходимо включить в исследование функционирования гуманитарного права. Подвиг семьи Лангталер, которая смогла быть «не как все», достоин того, что бы и сейчас о нём упомянуть, но он доказывает, что международные нормы обращения с военнопленными и регулирующие отношение к другим народам не работают даже в той ситуации, когда не только правосознание, но и чувство самосохранения должны были бы подсказать правильное решение. Однако, следует отметить, что данное преступление практически никак не отразилось на судьбе практически всех австрийских «охотников». Не формирует ли международное гуманитарное право парадигму, что опаснее быть защитником России, чем её противником, так как неотвратимое и равнозначное возмездие практически никогда не грозит им, а умиротворяющая гуманная политика скорее провоцирует жестокое отношение? Кто защитит защитников и как участвует в этом отечественная школа права?

При оценке результативности вышеуказанных норм международного права необходимо отметить ещё более важный фактор, так как он связан с несравненно большим количеством жертв и разрушений. За последние четыреста лет основные боевые действия, массовая гибель мирного населения (но с точки зрения оккупантов – сопротивляющихся партизан), тотальное разрушение социальной инфраструктуры в Евразийской части мира происходят практически на одной и той же территории – территория, основную часть которой занимает Ленинградская, Псковская, Новгородская, Смоленская области, а также Белоруссия, Центральная и Восточная Украина и другие области от линии Румыния-Польша до Москвы. Территория Псковской и Смоленской области за это время опустошалась каждое столетие (а иногда и по несколько раз) в результате нахождения на них военных одних и тех же стран – Польша, Швеция, Франция, Германия, Италия, Англия. С жертвами, понесёнными на данной территории, могут сравниться только жертвы Китая, начиная с Опиумных войн до времён 2-й Мировой войны, голодомор в Британской Индии 1943 года или жертвы Вьетнама, Ирака и Сирии.

В любом случае, методы обращения с местным населением и борьба с партизанами войск Наполеона, Веллингтона, Шварценберга и Блюхера, о которых нам сообщает Мартенс

[28, С. 343], ничем не отличаются от поведения англичан, американцев в 1918 – 1919 годах, а также немцев, финнов, прибалтов и поляков, итальянцев, французов, румын, испанцев, венгров, японцев и т.д. в 1941 – 1945 годах. Методы ведения войны США и союзников, путём тотального уничтожения всего находящегося на территории известны как в 20-м, так и 21-м веке, что подтверждали президент Трамп или Нетаньяху.

Следовательно, ни история войн, ни история международного права не содержит в себе каких-либо сведений о том, чтобы гуманитарное право вооружённых конфликтов защитило население и военнопленных государств, не относящихся к североатлантическим, или помогало в равной мере. Последние является особенно важным, так как с 1453 (окончание Столетней войны и падение Восточной (Византийской) Римской империи – точка отсчёта формирования современной системы европейских государств и международных отношений) по 1953 год (фактическое окончание Корейской войны и окончательное формирование современной североатлантической системы международных отношений) большинство произошедших войн и актов агрессии, геноцида были инициированы одними и теми же странами: Англия, Франция, Италия, Испания, Швеция и Германия. Наличие указанного рубежа начала современной эры глобальной политики признаёт и С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» [44, С. 14].

Чаадаев П.Я. не зная по чьей вине и какие несоизмеримо большие страдания выпадут на долю народов России в последующее время говорил: «Народы России прошли через такие испытания, что народы запада не могли бы преодолеть и половины в своих мечтах» [46, С. 406]. Нельзя не задать вопрос, как бы выглядели Мюнхен и Бавария, если бы также часто разорялись войной как Псковщина?

Можно и нужно не только удивляться долгосрочной способности одних и тех же стран быть одновременно во главе «мирного процесса» и процесса развязывания войн, а также их умению причислить к ответственности за войны те страны, за счёт которых они обогащались и которые больше всего из-за них же и страдали, но и неспособности большинства других государств обеспечить в долгосрочной перспективе сохранение в своих системах государственного управления и правовых системах исторической памяти о соответствующих постоянных критических для них рисках. Объяснить это иначе как эффектом Земмельвейса невозможно. Важно определить перечень юридических и политических методов, которыми пользуются страны-агрессоры, страны-провокаторы для достижения своих целей, а также разработать равнозначные меры противо-

действия и сделать их достоянием международного публичного права.

Вышеизложенное на основе метода моделирования позволяет утверждать, что современное гуманитарное право скорее обеспечивает агрессивную политику североатлантических стран, а также страхует их от справедливого возмездия в случае неудачи, чем позволяет всем народам и государствам мира приблизиться к всеобщей безопасности.

Данное предположение подтверждается результатами сформировавшейся после 2-й Мировой войны практики привлечения к ответственности за военные преступления. Нюрнбергские и Токийские процессы показали, что к ответственности привлекается только незначительная часть людей, которые медийно известны, но и это очень выборочно и не пропорционально причинённому ими злу. Пример императора Хирохито (1901 – 1989), Маннергейма (1867 – 1951) и Франко (1892 – 1975) доказывает, что можно совсем не понести наказания. Хусейну и Милошевичу – не повезло. Однако, для отечественной школы права более важно сохранение и понимание причин проведения Хабаровского процесса, который во многом являлся реакцией СССР на предвзятое и сочувствующее к военным преступникам отношение. Но и Хабаровский процесс нельзя признать примером правосудия, который восстанавливает справедливость и обеспечивает профилактику подобных преступлений и способствует последующему миру. Правовыми методами не была обеспечена ни соответствующее преступлению наказание, ни сохранение исторической памяти. В результате, практически всё руководство японского «Отряда 731», занимавшегося разработкой, применением биологического оружия и опытами над людьми – пытками, вернулось домой в период с 1951 по 1956 годы, и пользовалось в Японии уважением и защитой (что доказывает обращение Ассоциации бывших военнопленных Японии за их реабилитацией в Генеральную прокуратуру РФ в 1993 году. Не получили ли мы в исторической перспективе обратный эффект – закрепление в Японии за Россией репутации страны, которая необоснованно и негуманно издевалась над их военнопленными, которые честно исполняли свой воинский долг и не более?).

Дело лейтенанта Келли, допустившего «эксцесс исполнителя» при уничтожении нескольких десятков женщин и детей в деревне Сонгми, или военных в тюрьме Абу-Грейб, наказание которых было аналогично наказанию хулигана позволяет утверждать, что международное гуманитарное право фактически не является таковым, так как функционирует выборочно и в первую очередь основано на праве сильного и политических решениях, основанных на воле суверенного госу-

дарства. Более подробную статистику можно получить от Amnesty International, но это только усилит проблематику. В любом случае, в настоящем исследовании нельзя не учитывать действие внутригосударственного федерального закона США American Service-Members' Protection Act, ASPA (Title 2 of Public Law No. 107—206, H.R. 4775, 116 Stat. 820) или Закон о защите американских военнослужащих или неформально «Акт о вторжении в Гаагу», принятый в 2002 году, который фактически устанавливает пределы для всего профильного международного права. С точки зрения высшего политического руководства США только они имеют право оценивать действовали ли их комбатанты с преступными намерениями или печальные последствия вызваны лучшими из возможных решений американского командования на тот момент борьбы с вражескими силами. В результате расстрел десятка человек может быть наказан, а гибель сотен в результате ковровой бомбардировки нет. Результаты работы Международного трибунала по бывшей Югославии также не позволяют сомневаться в избирательности гуманитарного международного права и вынесении решений только благодаря воле и могуществу государства-победителя.

Следовательно, актуальным становится вопрос о принципиальной возможности согласовать участниками международного общения и обеспечить реальное соблюдение профильных норм международного права. При ответе на данный вопрос необходимо учитывать тот факт, что чрезвычайно сложной задачей даже для юриста является выявление и ознакомление с исчерпывающим перечнем десятков международных актов, регламентирующих гуманитарное право и практику его применения. Разобраться в том какой конкретно текст является действующей редакцией, в какой части и для какого государства является гораздо более сложной задачей. Уяснить для дальнейшего исполнения весь комплекс данных многостраничных актов, разобравшись в их соотношении, может только узко специализирующийся на данной теме профессионал. Задача обеспечить одинаковое восприятие и исполнение одних и тех же норм гуманитарного права юристами разных государственных правовых систем и правовых семей гарантированно неисполнима.

Однако, это не является главной сложностью и недостатком. Предполагается, что данные нормы одинаково и непосредственно должны соблюдаться от рядового партизана до верховного главнокомандующего, монарха и президента по обе стороны фронта, а также гражданским населением воюющих государств (не юристами). Более того, предполагается, что исполнение данных норм должно иметь преимущественную мотивирующую силу при принятии решения на театре

военных действий: в первую очередь исполнять международное право несмотря на увеличивающиеся риски своей гибели и проигрыша в войне своего государства или поступать таким образом как подсказывает в конкретный момент логика выживания с отнесением на потом абстрактные риски несоблюдения международного права (особенно, как показывает история, если воюешь против России)?

С учётом вышеизложенного, методы индукции и моделирования предлагают наиболее вероятный ответ, что нормы международного гуманитарного права утратили изначальное назначение для применения на местах и более не предназначены для достижения тех целей, которые были изначально заявлены, трансформировавшись в инструмент воздействия на процесс принятия и исполнения решений высшим военным и политическим руководством государства в критическое для них время. Правоту указанной концепции подтверждает и тот факт, что современное международное публичное право утратило существовавшие в его рамках несколько столетий такие правовые категории как «самосохранение государства», «основные права государства», которые существовали в период формирования большей части норм современного гуманитарного права, на что указывал профессор Владимир Михайлович Корецкий в своей работе «Проблема «основных прав и обязанностей государств» в международном праве» [21. С. 416]. Современное толкование принципа самообороны, не имея возможности отменить в реальной жизни конституционные обязательства обеспечения сохранения и безопасности государства, всё же способствует увеличению рисков для большинства государств в следствие усложнения диалога между государствами перед началом конфликта, а также в результате невозможности полноценного сопротивления недружественному воздействию, родственному мерам поддержки «оранжевых революций».

Можно принять за доказанное, что исполнение гуманитарного права зависит только от воли конкретной государственной власти и её понимания иерархии факторов при принятии соответствующих государственных решений, что выдвигает на первый план необходимость обладания внутригосударственными компетенциями и ресурсами для надёжного контроля за процессом международного нормотворчества и государственного законодательства. Более того, история подтверждает, что скорее такой подход соответствует природе государства и международных отношений, чем попытка последних десятилетий обеспечить исполнение гуманитарного права на надгосударственном уровне, в том числе за счёт международных организаций. Вышеука-

занное утверждение уже имеет подтверждение в истории международных отношений и отечественной школы права.

В 1947 году СССР поставил перед ГА ООН вопрос о запрещении пропаганды войны и предложил всем государствам издать у себя закон об уголовной ответственности за пропаганду агрессии [3, С. 402]. Под пропагандой скорее понимался достаточно широкий спектр мероприятий, который во всём комплексе обеспечивал формирование международного и внутригосударственного общественного мнения, поддерживающего необходимость военного противостояния между государствами, чем буквальное скандирование призывающих к войне лозунгов. В единообразии действий и установлении единых запретов, которые в целях обеспечения сохранения и безопасности государства обеспечивались бы внутригосударственным законодательством, виделось решение вопроса достижения всеобщей безопасности.

Подобный подход не был революционным для того времени. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 года в статье 15 «Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях» также делает акцент на волю конкретного государства и предусматривает, что в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, возможно отступление от неё при наличии общей оговорки о непротиворечии таких мер другим обязательствам по международному праву, но признаётся возможность гибели людей в результате правомерных военных действий.

16.07.1956 года Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран мира о разоружении в котором констатировалось, что усилия ООН за десять лет работы не увенчались успехом и необходимо каждому предпринимать меры, не дожидаясь пока ООН сможет найти приемлемое для всех решение [18, С. 936].

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) ГА ООН от 16.12.1966 года, в статье 20 предусматривает запрет пропаганды войны и всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию и предполагает обеспечить достижение цели в результате принятия участниками международного общения своих соответствующих законов.

Однако, заявленных результатов и действительного исполнения инициатива СССР не нашла. В результате, борясь «с безнаказанностью, ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны», был принят Закон Верховного Совета Союза ССР «О защите

мира» от 12.03.1951 года, который в одностороннем порядке установил «Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создаёт угрозу войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества. Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников.». Практический результат данный закон обеспечивал только в одном случае – провозглашение государством своего права наказания как своих граждан, так и иностранных за вышеуказанную деятельность.

К сожалению, результат оказался совершенно иным и скорее оказал негативное воздействие на отечественную школу права и иные социальные науки. Статья 59.7. УК РСФСР 1926 года, которая запрещала пропаганду или агитацию, направленную на возбуждение национальной или религиозной вражды или розни, стала замещаться запретом «пропаганды войны в любой форме». Статья 71 УК РСФСР 1960 года «Пропаганда войны» уже запретила «пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась», но утратила изначальную первую составляющую.

Североатлантические государства и родственные им системы не восприняли данную норму права, но сохранили доктрину о том, что государство может подвергать уголовному наказанию иностранного гражданина в случае, если его деятельность создаёт риски определённого характера, что подтверждает уголовное законодательство Израиля и Чикагская доктрина постконфликтной юстиции. В результате, запрет «пропаганды войны» в любой форме если и повлиял на что-то, то это на сокращение в СССР работ в области юриспруденции, изучающих риски и проблематику международных и межнациональных отношений. Следует отметить крайне важное обстоятельство, что по своему характеру данная норма отечественного законодательства, существенно отличалась от современных ей положений уголовного законодательства североатлантических государств, которые запрещали именно «агрессивную войну» не смотря на тот факт, что в условиях международного общения практически невозможно объективно установить первоисточник агрессии. В последствии государства Варшавского договора и Россия перешли в своём уголовном законодательстве к формулировке о запрете «агрессивной войны». Однако, определённые возможности отечественной школой права были опять упущены, так как призывы и стремление наиболее авторитетных в сфере международного права государств «нанести России стратегическое поражение» и назначать меры уголовного принуждения вне всеобщего согласия членов СБ ООН очевидны.

Следует признать за традиционную про-

блему то, что как минимум со времён П.Я. Чаадаева, отечественные социальные науки имеют слабое представление о различии между такими социальными категориями как «пропаганда войны в любой форме», «возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» (статья 282 УК РФ), с одной стороны, и процессом выявления, описания, исследования преобладающего и устоявшегося в других странах негативного общественного мнения и восприятия России, её народов, в том числе в деле формирования социально-философских концепций и политико-правовых доктрин в целях обеспечения безопасности страны и её народов.

Таким образом, вышеизложенное более не позволяет сколь-либо полагаться на защиту действующих доктрин и норм международного права, призванных обеспечить мир и всеобщую безопасность. Современное международное гуманитарное право, во многом основано на гипотезе о необходимости создания надгосударственных институтов (как норм права, так и организаций), интегрирующих все государства посредством подчинения их единым алгоритмам и нормам поведения для воплощения идеи о всеобщем мире, а также на идее о независимости и самостоятельности государств как первопричине войн.

С точки зрения истории России, Китая, Индии, Кореи, Кубы, Вьетнама, Гренады, Сербии, Ирака, Сирии указанный подход нельзя признать успешным ни при каких обстоятельствах. Скорее миролюбие и буквальное соблюдение требований норм всеобщей безопасности одними государствами и умение североатлантических стран осуществить интервенцию и каждый раз с помощью международного права не понести реальной ответственности, способствовало развязыванию большинства современных войн. Однако, с данными выводами они не смогут смириться.

Кроме того, при вышеуказанном подходе не только не доказано, но и отсутствует достоверное объяснение причинно-следственной связи между желаемым и предлагаемым, а также отсутствует учёт рисков для тех, кто действительно понадеялся и доверился силе декларируемых норм. Действительность показывает, что несмотря на то, что главными сторонниками данной позиции являлись разработавшие её наиболее влиятельные в международном праве североатлантические государства, они же во имя достижения своих целей всегда находили способ исполнять соответствующие нормы права в соответствии со своими исключениями. Очевидно, что описываемая указанную доктрину формула: «всем (государствам) один алгоритм (поведения) для

достижения одной абстрактной цели (избежания агрессивной войны)» не соответствует интересам большинства государств.

Необходимо отметить, что Хайек раскрывает европейское видение природы и действительной силы социально-философской концепции и политико-правовой доктрины, законодательства следующим образом: «Власть абстрактных идей покоится, главным образом, на том, что большинство людей воспринимают не как теории, а как самоочевидные истины, выступающие в роли неявных предпосылок.», «Процесс изменения законов с редкой наглядностью демонстрирует, как доминирующие концепции ведут к непрерывным изменениям, порождая меры, непредвиденные и нежелательные, но со временем ставшие неизбежными. Каждый отдельный шаг является во многом неожиданным результатом действия предыдущих решений на основании действующих концепций, формируя «внутреннюю динамику законодательства» [43, С. 84, 88]. Политика открытого общества Сороса формируется на тех же принципах, которые позволяют актору двигаться к своей цели без заботы о истине и за счёт других, даже, если для них наступают неблагоприятные последствия, вызванные его советами или иной деятельностью, что называется теорией «плодотворных ошибок», лежащей в основе его же теории исторического развития, которая предусматривает, что «ущербные теории и политические установки» могут приносить временную пользу, но никогда не могут быть плодотворными вечно [37, С. 70, 180]. Главное уметь вовремя переходить от одной к другой, в том числе создавая их.

Учитывая изложенные риск-факторы, пока риски, возможности и поведение всех государств не станут обеспечивать взаимное сохранение и безопасность, следует принять в качестве рабочей концепции утверждение о невозможности объективного единообразного определения войны и её рисков в международном праве. Для одних государств – это постоянный вопрос своего экзистенциального выживания, но не благополучия; для других – вопрос улучшения своего материального благополучия, при разных рисках и возможностях в случае поражения или победы. Хотя принцип нормативности предполагает, что право, в том числе международное, должно регулировать соответствующие социальные явления и предлагать методы их решения «в одном знаменателе».

Следовательно, прежде чем обеспечивать безопасность и соблюдение гуманитарного права сразу в мировом масштабе целесообразно первым этапом «упростить» решение до размеров обеспечения сохранности, безопасности и благополучия России и её граждан и только на базе этого переходить к последующим этапам. Следу-

ет отметить, что такой подход будет новым для отечественной школы права последних шестидесяти лет, которая традиционно рассматривала его сразу в мировом масштабе, хотя конституционная обязанность обеспечивать сохранность, безопасность и благополучие народов своего государства является высшей обязанностью каждого в доступных ему сферах жизни. Данное обстоятельство ставит задачу самостоятельно разработать юридические методы обеспечения сохранности, безопасности и благополучия государства, его народов. В любом случае, мировая история показывает, что безопасность Чехии и Китая, Эстонии и Англии обеспечивается разным набором средств и методов; процесс обеспечения безопасности Китая и Индии может быть во многом схож, но обеспечение безопасности России требует преимущественно уникальных решений.

Д.И. Менделеев в «К познанию России» указал «Из-за грубой подражательности, того гляди, призовутся новые беды и несоответствие с тем, что имеется налицо и что требует своих последствий и сознательных желаний, стремлений, обсуждений и мероприятий. Страна-то, ведь, наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии», «Россия, содержа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран, ... Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно и если задумает что-либо против Европы, то прежде всего может причинить нам много зла» [31, С. 3,69].

В целях настоящей работы можно признать, что именно природе государственного суверенитета свойственно реальное обеспечение соблюдения в сфере международного взаимодействия законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, так как на деле только данный институт может обеспечить оценку причиняемого его государству вреда и инициировать его защиту. Никто не будет защищать государство, если оно само не захочет себя защищать. Исходя из имеющегося инструментария и с учётом исторических фактов, в первую очередь, целесообразно изменить последовательность решения и рассматривать не ограничение института государственного суверенитета как метод обеспечения всеобщей безопасности, а, наоборот, развитие института государственного суверенитета как способ реального соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности.

Следовательно, целесообразен переход к формуле: «всем (государствам) разные алгоритмы (поведения) для постоянного выполнения множества конкретных равноценных и взаимных

задач, качество исполнения которых всегда очевидно». В основе данного принципа лежит идея не интеграции, а конвергенции (лат. *con* «вместе» + *vergere* «направленность, стремление; склоняться»), когда разные неродственные виды приобретают схожие черты в результате длительного функционирования в схожих условиях (главное, что бы соответствующие государства действительно оказались в них).

Можно утверждать, что данный подход будет более соответствовать природе международного права, определяемого как комплекс норм поведения, обеспечивающих стабильное и предсказуемое взаимодействие участников международного общения, который формируется в результате их разноразличных волевых усилий в целях обеспечения собственного сохранения, безопасности и благополучия. В любом случае, каждый из вышеизложенных в настоящей работе примеров связан с рисками такого высокого уровня для государств и их народов, что ни одному из пострадавших государств невозможно ни один из них пропустить, не предприняв в целях их минимизации самостоятельной исследовательской и практической деятельности в сфере международного права.

Следствием вышеизложенного должно быть создание на основе идеи о государственном суверенитете как основе соблюдения международных законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности (а также с учётом исторического опыта и описываемых им геополитических рисков) комплекса социально-философских и политико-правовых доктрин с последующей их реализацией во внутригосударственном законодательстве Российской Федерации. Данные меры должны прямо и однозначно распространяться на всех лиц, не являющихся гражданами России, и постоянно обеспечивать действительную (в том числе профилактическую) и постоянную защиту всех органов государственного руководства и управления (принятия и исполнения государственных решений), а также сделать заведомо критически опасным как для непосредственных исполнителей, так и для обеспечивающих, поддерживающих их деятельность лиц причинение вреда русским военнопленным, раненым, оккупированному населению, гражданской инфраструктуре. Скорее такой подход позволит выстроить стабильное и предсказуемое взаимодействие с другими участниками международного общения в деле соблюдения необходимых законов войны, гуманитарного права и всеобщей безопасности, закрепив их посредством международных актов, учитывающих взаимные интересы, возможности и риски (что особенно важно в условиях зависимости любой государственной власти от общественного мнения), чем попыт-

ка исправления текущих норм международного права, многократно доказавших свою низкую результативность (что не означает их полный отказ от них).

Список литературы:

- [1] Бекашев К.А. Международное публичное право: учебник. – Москва, 2021.
- [2] Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 – ноябрь 1843 года. / Ред. М.Я. Поляков. М., 1979.
- [3] Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. – М., 1949.
- [4] Генри Э. Гитлер над Европой / Перевод с английского Л. Борового. – Москва, 1935.
- [5] Гефтер А.-В. Европейское Международное право / перевод Бар. К. Таубе. – С-Петербург, 1880.
- [6] Горбунов В.Е. Международное право как инструмент управления рисками в условиях смены миропорядка. Право и правосудие в современном мире. Сборник научных статей молодых исследователей. / Под общ. ред. Я.Б. Жолобова, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2024: 212-222.
- [7] Горбунов В. Е. Государственный суверенитет как неизвестная переменная в международном праве // Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей: сб. ст. по итогам Четвёртой Всероссийской научн. конф. курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и соискателей / под ред. В. А. Илюхиной. М., 2025: 262-266.
- [8] Горбунов В.Е. Историческая память и проблема обеспечения государственного суверенитета: международно-правовой аспект. Право и управление. XXI век. 2026;22(1):166-177.
- [9] Государство Израиль. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистра права (LL.M) М. Дофман; науч. Ред. канд. юрид. наук Н.И. Мациев. – СПб., 2005.
- [10] Давид Рене. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / перевод с французского д.ю.н. М.А. Крутоголова, к.ю.н. В.А. Туманова. – М., 1967.
- [11] Дипломатический словарь в 3-х томах, Том I А – И. / глав. ред. Громыко А. А., Ковалев А. Г., Севостянов П. П., Тихвинский С. Л. – М., 1984.
- [12] Дипломатический словарь: в 3 т. Т. III. С–Я. / глав. ред. Громыко А. А., Ковалев А. Г., Севостянов П. П., Тихвинский С. Л. – М., 1986.
- [13] Домрин А. Н.: Антироссийское законодательство США // Кв. – 2019. – № 4 (22). сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antirossiyskoe-zakonodatelstvo-ssha> (дата обращения: 04.07.2026).
- [14] Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы. Теории. Социология: Учебное пособие для вузов /3-е изд. – М.: Академический проект, 2024.
- [15] Йеллинек Г. Право меньшинства. Доклад, читанный в юридическом обществе в Вене. – Москва, 1906.
- [16] Иванов Л. Лига Наций. – М., 1929.
- [17] Институт международного права. Сайт Institut de droit internationale: <https://www.idi-iil.org/en/publications-par-categorie/declarations> / (дата обращения: 04.07.2026).
- [18] История советской конституции (в документах) 1917 – 1956. – М., 1957.
- [19] История дипломатии. Том III. Издание второе, переработанное и дополненное. / под редакцией А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. – Москва, 1965.
- [20] Каченовский Д. И. Курс международного права. Часть 1. Книга 2. – М., 2025.
- [21] Корецкий В.М. Избранные труды. в 2 кн. Кн. 2. Киев, 1989.
- [22] Курс международного права. / Ред. коллегия: Кожевников Ф. И., Менжинский В. И., Мовчан А. П., Морозов Г. И. – М., 1966.
- [23] Курс международного права в шести томах. Том V. Основные институты и отрасли современного международного права. / Главная редакция Ф.И. Кожевников, В.М. Корецкий, Д.Б. Левин, Г.И. Тункин, Н.А. Ушаков, В.М. Чхеидзе (руководитель), В.М. Шуршалов. – М., 1969.
- [24] Курс международного права. В 7 т. Т. 6. Отрасли международного права / И.Н. Арцибасов, И.И. Лукашук, Б.М. Ашавский и др. – М., 1992.
- [25] Листъ Ф. Международное право в систематическом изложении / Перевод съ шестого немецкого издания под редакцией и съ дополнениями проф. В.Э. Грабаря. Четвертое русское издание, исправленное и дополненное. – Юрьев (Дерпт), 1917.
- [26] Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М., 1975.
- [27] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. – М., 1997.
- [28] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1 / Под редакцией с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. – М., 2008.
- [29] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 2 / Под редакцией с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. – М., 2008.
- [30] Международное право: Учебник. / Егоров С.А., отв. ред. д.ю.н., проф. – М., 2016.

[31] Менделеев Д.И. К познанию России. – М., 2021.

[32] Некоторые вопросы философии. Учебное пособие для студентов. / Авторы и редакторы к.ф.н., доц. Г.В. Чефранков, к.ф.н., доц. И.И. Логанов, к.ф.н., доц. И.А. Донцов. – Таганрог, 1967.

[33] Олбрайт М.: CBS «60 минут», 1996: сайт: URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/olbrayt-madlen> (дата обращения: 04.07.2026).

[34] О принятии резолюции о борьбе с героизацией нацизма в Третьем комитете 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН /Министерство иностранных дел Российской Федерации. Сайт: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2059462 (дата обращения: 04.07.2026).

[35] Палухина Е. С. Политика исторической памяти в странах ЕС: смена парадигмы или банальная фальсификация истории? // Философия права. – 2023. – № 2 (105). Сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-istoricheskoy-pamyati-v-stranah-es-smena-paradigmy-ili-banalnaya-falsifikatsiya-istorii> (дата обращения: 04.07.2026).

[36] Рассел Б. История западной философии II. – М., 1993.

[37] Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. – М., 2001.

[38] ТАСС. Halk TV: в Турции Нетаньяху объявили в международный розыск через Интернет. Сайт: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27916477> (дата обращения: 14.07.2026).

[39] Таубе М.А., бар. Вечный мир или вечная война? (Мысли о «Лиге Націй»). Съ facsimile неизданного письма Л.Н. Толстого от 18 Декабря 1903 г. – Берлинъ, 1922.

[40] Тункин Г.И. Идеологическая борьба и международное право. – М., 1967.

[41] Тункин Г.И. Теория международного права. / Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М., 2025.

[42] Хадсон Менли О. Международные суды в прошлом и будущем. – М., 1947.

[43] Хайек Ф.А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и Кустарева под ред. А. Куряева. – М., 2006.

[44] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва, 2024.

[45] Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. А.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб., 2007.

[46] Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. / – Москва, 1991.

[47] Энциклопедия государства и права. Том первый. / под редакцией П. Стучка. – Москва,

1929.

References:

[1] Bekyashev K.A. International public law: textbook. – Moscow, 2021.

[2] Belinsky V.G. Collected works. In 9 volumes. VOL. 5. Articles, reviews and notes, April 1842 - November 1843 ./Ed. M.Ya. Polyakov. M., 1979.

[3] Vyshinsky A.Ya. Questions of theory of state and law. – M., 1949.

[4] Henry E. Hitler over Europe/Translated from English by L. Borovoy. – Moscow, 1935.

[5] A.-V. Geffer European International Law/ translation Bar. K. Taube. – St. Petersburg, 1880.

[6] V.E. Gorbunov. International law as a risk management tool in a changing world order. Law and justice in the modern world. Collection of scientific articles by young researchers ./Under the general. ed. Ya.B. Zholobova, A.A. Dorskaya. – St. Petersburg: Asterion, 2024: 212-222.

[7] Gorbunov V.E. State sovereignty as an unknown variable in international law // Current issues of legal science through the eyes of young researchers: Sat. Art. according to the results of the Fourth All-Russian Scientific. conf. cadets, students, adjuncts, graduate students and applicants/ed. V. A. Ilyukhina. M., 2025: 262-266.

[8] Gorbunov V.E. Historical memory and the problem of ensuring state sovereignty: international legal aspect. Law and governance. XXI century. 2026;22(1):166-177.

[9] State of Israel. Law on Criminal Law of Israel/Foreword, translated from Hebrew: Master of Law (LL.M) M. Dofman; scientific. Ed. cand. jurid. N.I. Matsiev. – St. Petersburg, 2005.

[10] David René. The main legal systems of our time (comparative law)/translation from French Doctor of Law M.A. Krutogolova, Ph.D. V.A. Tumanova. – M., 1967.

[11] Diplomatic Dictionary in 3 volumes, Volume I A - I./chapters. ed. Gromyko A. A., Kovalev A. G., Sevostyanov P. P., Tikhvinsky S. L. – M., 1984.

[12] Diplomatic dictionary: in 3 vols. T. III. S-Ya ./chapters. ed. Gromyko A. A., Kovalev A. G., Sevostyanov P. P., Tikhvinsky S. L. – M., 1986.

[13] Domrin A.N.: US Anti-Russian Legislation // Apt. – 2019. – № 4 (22). сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antirossiyskoe-zakonodatelstvo-ssha> (дата обращения: 04.07.2026).

[14] Dugin A.G. International Relations. Paradigms. Theories. Sociology: Textbook for universities/3rd ed. – M.: Academic project, 2024.

[15] Iellinek G. Minority rights. Report read in the legal society in Vienna. – Moscow, 1906.

[16] Ivanov L. League of Nations. – M., 1929.

[17] Institute of International Law. Сайт

Institut de droit internationale: <https://www.idi-iiil.org/en/publications-par-categorie/declarations/>(дата обращения: 04.07.2026).

[18] History of the Soviet Constitution (in documents) 1917-1956. - M., 1957.

[19] History of diplomacy. Volume III. Second edition, revised and supplemented /edited by A.A. Gromyko, I.I. Zemskova, V.A. Zorina, V.S. Semenova, S.D. Skazkina, V.M. Khvostova. - Moscow, 1965.

[20] D. Kachenovsky Course of International Law. Part 1. Book 2. - M., 2025.

[21] Koretsky V.M. Selected works. in 2 books Kn. 2. Kyiv, 1989.

[22] Course of international law /Ed. collegium: Kozhevnikov F.I., Menzhinsky V.I., Movchan A.P., Morozov G.I. - M., 1966.

[23] International law course in six volumes. Volume V. Main institutes and branches of modern international law /Main edition F.I. Kozhevnikov, V.M. Koretsky, D.B. Levin, G.I. Tunkin, N.A. Ushakov, V.M. Chkheidze (leader), V.M. Shurshalov. - M., 1969.

[24] International law course. In 7 vol. 6. Branches of international law/I.N. Artsibasov, I.I. Lukashuk, B.M. Ashavsky et al. - M., 1992.

[25] Sheet F. International Law in a Systematic Presentation/Translation of the Sixth German Edition by the Editorial Board and Supplemented by prof. V.E. Grabarya. The fourth Russian edition, corrected and supplemented. - Yuriev (Derpt), 1917.

[26] Lukashuk I.I. International legal regulation of international relations. - M., 1975.

[27] Lukashuk I.I. International Law. General part. Textbook. - M., 1997.

[28] Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 1/Edited with a biographical sketch of the Doctor of Law, Professor V.A. Tomsinova. - M., 2008.

[29] Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 volumes. Volume 2/Edited with a biographical sketch of the Doctor of Law, Professor V.A. Tomsinova. - M., 2008.

[30] International law: Textbook /Egorov S.A., resp. ed. Doctor of Legal Sciences, prof. - M., 2016.

[31] Mendelev D.I. To the knowledge of Russia. - M., 2021.

[32] Some questions of philosophy. Textbook for students /Authors and editors Ph.D., Assoc. G.V. Chefrankov, Ph.D., Assoc. I.I. Loganov, Ph.D.,

Assoc. I.A. Dontsov. - Taganrog, 1967.

[33] Albright M.: CBS "60 Minutes," 1996: site: URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/olbrayt-madlen> (Accessed: 04.07.2026).

[34] On the adoption of a resolution on combating the glorification of Nazism in the Third Committee of the 80th session of the UN General Assembly/Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Site: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2059462 (access date: 04.07.2026).

[35] Palukhina E. S. Politics of historical memory in the EU countries: paradigm shift or banal falsification of history ? // Philosophy of law. - 2023. - № 2 (105). Сайт: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-istoricheskoy-pamyati-v-stranah-es-smena-paradigmy-ili-banalnaya-falsifikatsiya-istorii> (дата обращения: 04.07.2026).

[36] Russell B. History of Western Philosophy II. - M., 1993.

[37] Soros J. Open Society. Reforming global capitalism/Per. from English - M., 2001.

[38] TASS. Halk TV: In Turkey, Netanyahu was put on the international wanted list through Interpol. Site: URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27916477> (access date: 14.07.2026).

[39] Taube MA, bar. Eternal peace or eternal war? (Thoughts on the "League of Nazis"). Facsimile unreleased letter to L.N. Tolstoy from December 18, 1903 - Berlin, 1922.

[40] Tunkin G.I. Ideological struggle and international law. - M., 1967.

[41] Tunkin G.I. Theory of international law /Under the general ed. Prof. L.N. Shestakova. - M., 2025.

[42] Hudson Menley O. International Courts Past and Future. - M., 1947.

[43] Hayek FA, von. Law, legislation and freedom: Modern understanding of liberal principles of justice and politics/trans. From English B. Pinsker and Kustarev ed. A. Kuryaeva. - M., 2006.

[44] Huntington S. Clash of civilizations/trans. With English. T. Velimeeva. - Moscow, 2024.

[45] Hart G.L.A. Concept of Law/Trans. from English; under the general. ed. A.V. Afonasina and S.V. Moiseeva. - St. Petersburg, 2007.

[46] Chaadaev P.Ya. Complete works and selected letters. Volume I./- Moscow, 1991.

[47] Encyclopedia of State and Law. Volume One /edited by P. Knock. - Moscow, 1929.